

чаю. Вино играло роль на наших вечерах, но отнюдь не до излишества, а только в меру, пока оно веселит сердце человеческое. Пушкин не отказывался иногда выпить. Один из товарищей был знаменитый знаток, и перед началом «Московского Вестника» было у нас в моде «калеатико», прославленное Державиным.

В марте весь наш круг был потрясен известием о внезапной кончине в Петербурге Дмитрия Веневитинова. Мы любили его всею душой. Это был юноша дивный*...

М. П. Погодин

САЛОН ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ**

I

В Москве дом княгини Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединились представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умствен-

* Ценным комментарием могут служить — письма *М. Погодина* к *С.Л. Шевыреву* с введением и историко-лит. объяснениями *Н.П. Барсукова* в «Русском Архиве» 1882, №№ 5, 6, а также воспоминания *Шевырева* о *Пушкине* в сборнике *Л. Майкова* «*Пушкин. Биографические материалы и историко-лит. очерки*», СПб., 1899. Ср. в письме *Погодина* *М.А. Максимовичу* 28 окт. 1871 года: «Но вот являются «Телеграф» и «Московский Вестник» с зародышами западничества и славянофильства. Война завязалась вскоре не на живот, а на смерть. Аксаковские субботы с Шаховским, Загоскиным, Писаревым, Дмитриевым (М.А.), Пинским, Верстовским и, наконец, Надеждиным; вечерние собрания у Елагиных с Киреевскими, Языковым, Каролиной Яниш, у Сухово-Кобылиных — с Надеждиным, Морошкиным и Раичем — делаются сосредоточием литературного движения, ареопагом печатных явлений» — «Русск. Архив» 1882, № 5, с. 86. Ранее в сборнике «Юбилей М.А. Максимовича». Киев. 1871.

** Полное собрание сочинений князя *П.А. Вяземского*, т. VII, с. 328—329, 329—330.

ногого труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники*.

Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты, дилетан-

* По свидетельству А.Н. Муравьева, «Пушкин и Вяземский, Баратынский и Дельвиг были постоянными посетителями (салона Зинаиды Волконской). Кн. Одоевский (В.Ф.), столько же преданный музыке, как я поэзии, который издавал в то время свою «Мнемозину», не пропускал ни одного ее вечера; бывал тут и приятный автор отечественных романов М.Н. Загоскин; степенные Раич, Шевырев и Погодин, хотя и не любители большого света, не чуждались, однако, ее блестательного круга: так умела она все собирать воедино. Но был один юный даровитый поэт, вроде André Chenier, которого влекло к ней не одно лишь блестательное общество; горящий чистою, но страстною любовию, ей посвящал он звучные меланхолические свои стихи и безвременно сошел в могилу, хотя княгиня, дружная с его семейством, оказывала ему нежную приязнь. Много обещал в будущем молодой Веневитинов (Д.), и его ранняя кончина была большою утратою для поэзии». Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871; с. 12—13; вообще об этом салоне см. с. 11—13, здесь же рассказано, как по неловкости А.Н. Муравьев сломал руку колossalной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу в доме Волконской, что вызвало эпиграмму Пушкина:

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон,
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

По словам Муравьева, Пушкин «не разобрал стихов, сейчас же написанных мною в свое оправдание на пьедестале статуи, и думал прочесть в них, что я называю себя соперником Аполлона». Муравьев ответил Пушкину тоже эпиграммой:

Как не злиться Митрофану?
Аполлон обидел нас:
Посадил он обезьяну
В первом месте на Парнас.

тами и любительницами представления итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла сама хозяйка дома. Слышавшим ее нельзя забыть впечатления, которое производила она своим полным и звучным контрапартио и одушевленною игрою в роли Танкреда, в опере Россини. Помнится и слышится еще, как она в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним пропела элегию его, положенную на музыку *Геништою*:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению, краска вспыхивала в лице его. В нем этот детский и женский признак сильной впечатлительности был, несомненно, выражением внутреннего смущения, радости, досады, всякого потрясающего ощущения. Нечего и говорить, что Мицкевич с самого приезда в Москву был усердным посетителем и в числе любимейших и почетнейших гостей в доме княгини Волконской. Он посвятил ей стихотворение, известное под именем *Pokoj grecki* (греческая комната). При доставлении ей своих крымских сонетов приложил он польские стихи, которые сам перевел он для нее французскою прозою. Вот перевод с автографического перевода: «О поэзия, ты не искусство живописи: когда хочу живописать, для чего мысли мои не иначе могут проявиться, как сквозь слова чужеземной речи, подобно узникам, которые смотрят из-за железной решетки, скрывающей и искажающей их черты? О поэзия, ты не искусство петь, ибо чувства мои не имеют голоса, который может быть понятен; они подобны подземным потокам, которых шум никому не слышен. О поэзия неблагодарная! Ты даже не искусство писать: и написал стихи, а подношу ей одни

листки. Она увидит в них знаки непостижимые, ноты музыки, которая, увы! никогда исполнена не будет».

Вспоминая всю обстановку того времени, все это движение мыслей и чувств, кажется, переносишься не в действительное минувшее, а в какую-то баснословную эпоху...*

П. Вяземский

II**

У княгини Зинаиды Волконской бывали литературные собрания понедельничные; на одном из них пристали к Пушкину, чтобы прочесть. В досаде он прочел «Чернь» и, кончив, с сердцем сказал: «В другой раз не станут просить».

С. Шевырев

* В 1833 году Вяземский писал А.И. Тургеневу, вспоминая о З. Волконской: «Дом ее был, как волшебный замок музыкального мира: ногою ступишь на порог — раздаются созвучия; до чего ни дотронешься — тысяча слов гармонически откликнется. Там стены пели, там мысли, чувства, разговоры, движения — все было пение». «Остафьевский архив», т. III, с. 223. «Зинаида Волконская, наша Полярная Коринна», — таково было ее популярное прозвище; ее называли также «Северной Коринной», см. в письме Нечаева к А.А. Бестужеву от 9 ноября 1825 г. — «Русская Старина», 1889, февраль, с. 320. О ней см. статьи Н.А. Белозерской в «Историческом Вестнике», 1897, № 3, 4. — М.А. Гаррис. Зинаида Волконская и ее время. М. Изд. К.Ф. Некрасова. МCMXVI. В бумагах Веневитинова сохранилось описание вечера 26 декабря 1826 года в честь Марии Волконской, отъезжавшей в Сибирь к мужу-декабристу. На этом вечере был и Пушкин. См. «Записки княгини Марии Николаевны Волконской», 1914. В очерке П.Е. Щеголева на с. 37—40, в «Записках» ее же с. 61. В письме Александра Серг. Норова к А.И. Кошелеву есть упоминание об одном вечере: «Вечером поехал к кн. Зинаиде, где были tous les habitués: Свечины, Дюмушель, Веневитиновы — двое, Мещерские, кн. Одоевский, кн. Вл. Голицын, Абрам (А.С. Норов) и я; пели беспрерывно Requiem Керубини; была тоска несносная». Биография А.И. Кошелева, т. I, кн. II. Изд. О.Ф. Кошелевой. М., 1889, с. 268.

** С. Шевырев. Воспоминания Шевырева о Пушкине, в сборнике Л. Майкова «Пушкин», с. 331.